

Кажарова Инна Анатольевна

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА БАЛЛАДЫ В СОВРЕМЕННОЙ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматриваются признаки классической литературной баллады, сохраняющиеся на современном этапе, и выявляются закономерности, в соответствии с которыми происходит их трансформация в кабардино-черкесской литературе. Выраженная тенденция к интерпретации балладного сознания и балладных ценностей позволяет говорить о саморефлексии жанра.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/4-2/22.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22): в 2-х ч. Ч. II. С. 87-90. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

9. **Материалы уголовного дела № 491161** / СУ СК при прокуратуре Челябинской области. Челябинск, 2009.
10. **Медведева Д. С.** Классификация призывов экстремистской направленности: коммуникативный [Электронный ресурс] // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридиколингвистическая герменевтика: вторая интернет-конференция. URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/klassifikacija_prizyvov_ehkstremistskoj_napravlenosti_kommunikativnyj_aspekt/5-1-0-125 (дата обращения: 18.12.2012).
11. **О противодействии экстремистской деятельности** [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ. URL: <http://www.rg.ru/2002/07/30/extremizm-dok.html> (дата обращения: 15.12.2012).
12. **О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности** [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11. URL: <http://www.rg.ru/2011/07/04/vs-dok.html> (дата обращения: 12.01.2013).
13. **Толковый словарь русского языка** [Электронный ресурс]: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. URL: <http://ushdict.narod.ru/> (дата обращения: 25.01.2013).
14. **Уголовный кодекс РФ** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ukru.ru/code/10/282/> (дата обращения: 25.12.2013).
15. **Хазимуллина Е. Е.** Лингвистическая экспертиза текстов с имплицитным содержанием [Электронный ресурс] // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридиколингвистическая герменевтика: вторая интернет-конференция. URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/5-1-0-138

ADDRESSEE SPEECH INFLUENCE FORM ANALYSIS AS ASPECT OF EXTREMIST TEXT JUDICIAL SCRUTINY

Ivanenko Galina Sergeevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Chelyabinsk State Pedagogical University
gala.april@mail.ru

The author considers the addressee speech influence forms in the light of the extremist text research, presents the typology of speech influence forms, reflecting the prohibitive norms of the anti-extremist legislation, and shows the realization of different types of speech influence with correspondent semantic formulae and realization means by the concrete speech material, which became a trial object.

Key words and phrases: text; extremism; judicial scrutiny; speech influence; appeal; motivation; propaganda; national disparagement; hatred and hostility stimulation.

УДК 821.35.0

Филологические науки

В статье рассматриваются признаки классической литературной баллады, сохраняющиеся на современном этапе, и выявляются закономерности, в соответствии с которыми происходит их трансформация в кабардино-черкесской литературе. Выраженная тенденция к интерпретации балладного сознания и балладных ценностей позволяет говорить о саморефлексии жанра.

Ключевые слова и фразы: жанр; образ; сюжетность; романтический герой; фольклорная ориентация; трансформация.

Кажарова Инна Анатольевна, к. филол. н.
Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
barsello@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА БАЛЛАДЫ В СОВРЕМЕННОЙ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ[©]

На новейшем этапе развития кабардино-черкесской литературы лиро-эпические произведения не пытаются выйти на ведущие позиции. В поэтических сборниках последних лет они занимают весьма скромное место, но при этом мало кто из современных кабардинских и черкесских поэтов обходит лиро-эпiku вниманием – интерес к ней пусть не популярен, но стабилен. Все созданное в этом ключе на данный период свидетельствует о развитии, осуществляющемся подчас через совершенно разные уровни художественного мастерства и типы мироощущения. Однако если темы, выдвигаемые сознанием эпохи как наиболее значимые, можно более или менее ясно обобщить по поэтному контексту, то на материале баллад это сделать практически невозможно. Общих тем, характерных для современной баллады, не говоря уже о чисто формальных показателях, выделить невозможно. Нельзя не согласиться с мнением, что «в XX веке баллада утрачивает жанровую строгость» [2, с. 287]. Тем не менее, все произведения, модифицируемые современными

авторами как баллады, заключают в себе определенный парадокс: при том, что постоянного набора признаков современной баллады нет, произведение, тем не менее, подтверждает свою принадлежность к данному жанру присутствием тех признаков, что рассеяны на протяжении достаточно длительного периода его бытования. Цель данной статьи – определить признаки классической литературной баллады, сохраняющиеся на современном этапе и выявить закономерности, в соответствии с которыми происходит их трансформация.

Один из первичных признаков баллады, уводящий в историю жанра – ее песенное начало. И в современном понимании баллада также нередко связывается с музыкальностью, потому не удивительно, что именно музыка часто предстает доминирующим образом баллады. Такова, скажем, баллада Бориса Кагермазова «Паганини», через рассказ о выступлении великого музыканта воссоздающая удивительное, сложное, полное напряжения развертывание его сочинений. Ассоциации, которые воссозданы в этой балладе, – сложная смена настроения, диалог звука с тишиной, внезапные паузы – заставляют вспомнить эмоциональный строй знаменитых сочинений Никколо Паганини.

Музыкант предстает перед огромным залом, не ведая о том, что струны его скрипки надпилены недругами. Но сила таланта преодолевает все препятствия, все происки, через это преодоление рождая небывалую мелодию. Б. Кагермазов не ограничивается простым описанием мелодии с помощью метафор и сравнений («Абдежым занщЭу уафэгьуагьуэ / Макь иным залым зыщЕэт» – «Тотчас небесного грома / Голос громкий над залом поднимается»; «Тоужри зэуэ уафэгьуагьуэр, / Жьапщэшхуэм пшэжьхэр зэбгреху, / ИтПанэ дыгьэр кьыщЮкЫжри, / Бзу цьЫдхэр жыгхэм потЫсхьэж». – «Смолкает вмиг громыханье, / Ветер могучий черные тучи разметаёт, / Следом солнце появляется, / Птахи на деревья возвращаются») (*Здесь и далее все подстрочные переводы наши.* – И. К.) [3, с. 14], но воссоздает ее через взаимодействие человеческой слабости и мощи искусства. С каждой оборванной струной акцентируется нарастающее беспокойство зала, напряжение слуха, которому каждой уцелевшей струной отвечает виртуозное одоление страха (а вместе с ним и зла) музыкальным гением.

Приблизительно в том же духе, однако, не подчиняя поэтическое повествование песенному строю, а выстраивая его непосредственно вокруг образа музыки, создает Анатолий Бицуев балладу «Вор и певец-импровизатор». Примечательно, что связь с музыкой выведена автором на поверхность: «Мы хьыбарым щЫфэсщПар / Сыт-тЕэ нобэ сэ балладэ? – / Зэрытеухуарш уэрэдым, / Уэрэд нэсым иЕэ пщЕэм» – «Эту историю я назвал / По какой причине балладой? – / Потому что посвящена песне / Цене, что имеет настоящая песня» [1, с. 146]. Таким образом, не наличие рефрена, не музыкальность стиха или иные признаки песни, позволяют здесь апеллировать к жанру баллады, а именно рассказ о песне (или музыке). То есть формальный критерий обнаруживает отчетливую тенденцию перехода в содержательный. Здесь же надо отметить еще одну особенность баллады, которую, пожалуй, можно назвать устойчивой в творчестве современных кабардинских и черкесских авторов – это ее сюжетность. Иными словами, в основе баллады, «как правило, случай, из ряда вон выходящий, но случай выступает как непознанная закономерность, над которой предстоит задуматься читателю» [6]. Но если раньше – в творчестве А. Кешокова [5] и З. Тхагазитова [7] – вывод, указывавший эту закономерность, не подсказывался, и концовка произведения оставалась открытой, то на более поздних этапах она нередко переходит в прямое указание. Так, баллады Б. Кагермазова завершает краткая итоговая мысль – не столько вывод, сколько констатирующая фраза о самом главном («Охотничий пес», «Честь и деньги») [3], завершающая строфа баллад А. Бицуева нередко несет в себе назидательный смысл («Рождение горца», «Младший», «Жамбулат») [1].

Другая особенность, которая может считаться одной из примет жанра баллады, но вовсе не является на сегодня постоянной, – связь ее сюжета с древними сказаниями, легендами, фольклором. Интересно в этом плане творчество А. Бицуева. О том, что происходящее имело место в глубокой древности, может быть прямо заявлено еще во вступлении, к примеру: «Куэд щПаш абы льяндэрэ, куэд дыдэ. / Дунеижьым минрэ зихьуэжаш. / Уафэм Еджэ ижаш вагьуэ лыду, / Псынэ Еджи жэщЫжаш – гьужаш...» – «Много лет с тех пор минуло, очень много. / Мир тысячу раз менялся. / С неба множество сверкающих звезд пало» («Любовь») [Там же, с. 138]. Время может быть представлено как бесконечно далекое, что соответствует жанру классической позднесредневековой баллады, на которую, в свою очередь, ориентировалась европейская романтическая баллада. Но пространство, в отличие от времени, у А. Бицуева всегда легко узнаваемо – в каждой его балладе присутствует кавказский ландшафт с его горами и реками: «Зьыми имыщЕж ар кьыщыхуар. / Я зэманьрт Едэмрэ Хьэуарэ? / Кьыщыхуари бгырыс хэкурауэ / Яуэтэж мыпхуэдэ зы хьыбар...» – «Никто не помнит, когда это случилось. / Может, во времена Адама и Евы? / Случилось это на земле горцев, / Говорят, история такая...» («Рождение горца») [Там же, с. 125]. Если глубокая древность не оговаривается прямо, то содержится в подтексте произведения, отсылающем к старинным обычаям черкесов, к эпизодам, демонстрирующим особенности национального миропонимания, таковы баллады «Край бурки», «Младший», «Жамбулат» [1]. Старый абрек Жамбулат ценой собственной жизни спасает своего гостя от преследователей, ибо нет для горца ничего дороже, чем безопасность того, кто доверил ему свою жизнь; молодой человек, обслуживающий стол, за которым сидят старшие, дабы не прервать застольную речь старейшины, не проронив ни звука, обжигает себе руку лучиной, которую собирался протянуть к трубке гостя до того, как тот начал свой тост, – недюжинное терпение оценивается как верный знак возмужания. Таким образом, далекое прошлое, как бы оно ни маркировалось, у Бицуева сопряжено с историей родного народа.

Присутствие потугосторонней силы, которая вмешивается в обычный ход вещей и необратимым образом меняет судьбу человека, – одно из сюжетных свойств, которое устойчиво в произведениях А. Бицуева. Кайтуко, герой баллады «Любовь», будучи ослеплен речной богиней, которую случайно встречает во время

похода, вынужден навсегда отказаться от претензий на руку любимой им Сулимы. В дела человека вмешивается неодолимый рок в образе потустороннего существа, но опять же, следуя законам средневековой баллады, вмешивается обыденно, – герой, повторим, встречает ее в походе: «Зэплъыр шЦалэр и нитГыр тенауэ, / Псыхъуэгуашэт – занщЦэу кызыоплъэкI. / Псым хопкIэжыр, кьобгри дияуэ / Щыт Кьетыкьуэ: «Уи нитГыр игьукI!» / Кьытехуаш лЫм Псыхъуэгуашэ гыбзэр – / Асыхъэту хьуаш Кьетыкьуэ нэф». – «На кого смотрел парень, замерев, / Речной богиней оказалась – резко обернулась. / Прыгнула в воду, прокляла бездвижно / Стоящего Кайтуко: “Да усохнут твои глаза!” / Сбылось проклятие» [Там же, с. 139]. Это приводит к трагической развязке – ослепший герой под видом бродяги возвращается в родное село и, не раскрывая себя, отдает Сулиме ее перстень, некогда подаренный ею в знак верности, а затем, в поисках смерти, пускает своего верного коня рысью и сбрасывается с обрыва. Сулима же, поздно узнавшая в слепом бродяге любимого, потрясает землю и небо нечеловеческими рыданиями: «Кьачэрт уафэр, жаIэр, сысырт щЦыльэр/ Абы шыгьуэ... Хэт ар зыльэгьуар». – «Разверзилось небо, говорят, дрожала земля / Тогда... Кто это видел» [Там же, с. 142]. Анатолий Бицуев вовсе не стремится строго придерживаться всех сюжетных признаков классической баллады, вводит их комплексно в произведение, нет, признаки эти с разной степенью интенсивности проявляют себя то там, то здесь, но все вместе явно тяготеют к общему классическому балладному костяку.

Иное у Хамида Кажарова. Здесь время представлено разнообразно – это и глубокая старина, и недавнее послевоенное прошлое, и новейшая история, просвеченная сквозь покровы легенды. Столь же разнообразны сюжеты – от бытовых до философских. На примере баллады «Обманутый Данко» [4] можно увидеть те возможности, которые раскрывает жанр баллады в наше время. В формальном плане, прежде всего, заметно, что произведение написано белым стихом, предполагающим свободу от рифменных связей, а следовательно, стремление освободиться от избитых ассоциаций. Интересно, что признаки баллады присутствуют в «Обманутом Данко» имплицитно: старинная легенда (апелляция к древности, к фольклору), герой романтического типа, но романтизм, что интересно, обусловлен не фольклорной ориентацией, а в первую очередь душевным складом героя, его возвышенностью. Романтизм этот, в свою очередь, тоже многопланов, здесь сплетается и благородный образ Данко с горящим сердцем из рассказов старухи Изергиль, и романтика коммунистических преобразований, очень сильно перекликающаяся с романтикой начала 1990-х: «ЖэкIэ макIуэ шЦалэщЦэр, / щЦоувэ а нып зыкызыххэм, / псоми зэхыхуи мэхьуахьуэ: / «Ухьу махуэ нобэ кьедгьажьэр! / Жьыр, залымгыэр докьутэ! / Щхьэхуитыныгьэу щЦэрашЦэм / гьашЦэр щЦэтгьыну допIашЦэ!» – «Стремительно бежит парень, / становится под эти нарядные флаги, / во всеуслышание произносит: / “Да будут счастливыми сегодняшние начинания! / Отжившее, жестокое сегодня сокрушаем!”» [Там же, с. 169]. Вместе с повторами, анафорами и подхватами в произведение врывается песенный лад, который тут же перебивается изломанным, без соблюдения хотя бы приблизительной равноударности, белым стихом.

Здесь же в гипертрофированном виде присутствует балладный ужас: смерть, образ жуткого змея и т.д. Герой, как мы отметили, романтического склада, но параллельно происходит и жесткое осмысление несостоятельности романтических порывов, их резкий перевод в плоскость беспощадной реальности: «Зы закьуэт шЦалэм кьыхуэнэжыр – / жэщ кыфIу кьыщыхьуа шыгур, / игукIэ кьыгьэнэхуу, / цIыхухэм яригьэль-агьуу... / И бгьэм ныхуехь кIэрахьуэр, / гьуазэр и гушхьэм еIусэу, / асыхъэтуи кIэрахьуэр мауэ, / ауэ – / шЦалэр зышыгьугьауэ – / и гур кьэмыльд мафIэшхуэ: / триухэжат абы и гур, / триухэжакIэт льягьуэщЦэм...» – «Одно оставалось парню – / темную, как ночь, землю, / своим сердцем дабы осветить, / людям чтобы показать... / К груди пистолет подносит, / мушку к сердцу приставляя, / но – / вопреки надежде – / сердце его не вспыхивает пламенем: / истратил он свое сердце, / на новый путь истратил» [Там же, с. 173]. Концовка – обыденна и прозаична, и в соответствии с ее смыслом произведение завершается прозаическим текстом.

Таким образом, в современной кабардино-черкесской балладе наблюдается отчетливая тенденция к осмыслению признаков жанра как таковых и сознательная установка на художественное раскрытие их трансформаций. Как было сказано в начале, присутствие постоянных жанровых черт в балладе не наблюдается, то есть нет определенного четкого набора, который считался бы обязательным для отнесения произведения к этому жанру, зато всегда оказывается возможным внедрение любой балладной особенности, заимствованной из любой эпохи бытования баллады. Пожалуй, единственное, что константно в современной балладе, – преобладание в ней лирического начала, но это, безусловно, не может быть признаком, ее определяющим. Явное тяготение авторов к интерпретации балладного сознания и балладных ценностей свидетельствует о саморефлексии жанра и позволяет предположить в этой саморефлексии определенную градацию. Другими словами, если иные жанры всегда современны, но лишь в той или иной мере востребованы временем, то баллада всегда воспринимается в историко-культурной перспективе.

Список литературы

1. Бицуев А. М. Распахнутые двери. Стихотворения и баллады. Нальчик: Эльбрус, 2008. 155 с.
2. Введение в литературоведение: учебник / общ. ред. Л. М. Крупчанова. М.: Оникс, 2005. 416 с.
3. Кагермазов Б. Г. Очевидец. Стихи, поэмы, миниатюры. Нальчик: Эльбрус, 2006. 300 с.
4. Кажаров Х. Х. Избранное. Стихотворения и баллады. Нальчик: Эльбрус, 1998. 320 с.
5. Кешоков А. П. Тавро. Нальчик: Эльбрус, 1969. 183 с.
6. Пронин В. А. Теория литературных жанров [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/TeorLitGenres/about.htm> (дата обращения: 20.04.2012).
7. Тхагазитов З. М. Рождение песни. Нальчик: Эльбрус, 1989. 201 с.

BALLAD GENRE PECULIARITIES IN THE MODERN KABARDIAN-CIRCASSIAN LITERATURE

Kazharova Inna Anatol'evna, Ph. D. in Philology
Kabardino-Balkaria Institute of Classical Researches
barsello@rambler.ru

The author considers the classical literary ballad features preserved at the modern stage and reveals the regularities, according to which their transformation occurs in the Kabardian-Circassian literature. The vivid tendency to ballad consciousness and ballad values interpretation allows speaking about the genre self-reflection.

Key words and phrases: genre; image; plot character; romantic hero; folklore orientation; transformation.

УДК 378.147

Педагогические науки

В статье обсуждается проблема обучения общению и развития коммуникативной компетенции в условиях языковой подготовки студентов с государственным (казахским) языком. Особое внимание уделяется методам и приемам, способствующим развитию коммуникативных умений и навыков, воспитанию положительных личностных качеств на занятиях по русскому языку.

Ключевые слова и фразы: языковая подготовка; коммуникация; коммуникативная компетенция; методы и приемы обучения общению; положительные личностные качества.

Касенова Нурсулу Амангельдиевна

Аубакирова Кымбат Файзулиевна, к. пед. н.

Карагандинский государственный университет им. Е. А. Букетова
nursaman@mail.ru; kymbat_69@mail.ru

О РОЛИ КОММУНИКАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ[©]

Современные изменения, происходящие в обществе, находят свое отражение и в системе высшего образования, цель которой заключается в формировании творческой активной личности, обладающей высоким уровнем культуры, способной к альтернативному мышлению, к международному диалогу. В этой связи одним из ведущих приоритетов образования является коммуникативная направленность учебного процесса, обеспечивающая активное и сознательное овладение студентами коммуникативными умениями и навыками.

Сегодня, в условиях интеграционного мира, полиязычие рассматривается как жизненно важный действенный инструмент, поэтому процесс обучения языкам и повышение уровня языковой подготовки является не просто велением времени, а необходимостью, продиктованной эпохой современности.

Следует заметить, что языковая подготовка невозможна без обмена информацией, общения, без которого нельзя представить жизнь современного человека. К тому же вся научно-познавательная деятельность человека основана на опыте человеческой коммуникации: изучении народной культуры, знании языков, опыте межличностного общения. В этой связи уместно сказать, что формирование языковой личности, несомненно, должно происходить в процессе коммуникации с другими личностями, знающими языки и обладающими определенным уровнем коммуникативной компетенции.

Общеизвестно, что опыт человеческой коммуникации, с одной стороны, социален и включает в себя накопленные веками ценности культуры, а с другой – индивидуален, так как основывается на личностных способностях и навыках общения, что подразумевает сформированность коммуникативной компетенции. Вопрос о необходимости и важности развития коммуникативных способностей затрагивали в своих трудах многие зарубежные исследователи: Н. Хомский, Д. Хаймс, М. Канейл, М. Свейн, Д. Уилкинс, А. Хардинг, П. Хартман, Д. Джонсон, Н. Керр и др. Проблемы коммуникации волновали умы и российских, и казахстанских ученых: А. А. Вербицкого, Б. В. Беляева, Е. И. Пассова, А. К. Марковой, В. С. Коростылева, В. В. Краевского, А. А. Леонтьева, Е. С. Полат, Е. И. Пассова, С. Г. Тер-Минасовой, Н. А. Якубова, Ф. Р. Ахметжановой и др. Немалое количество работ посвящено вопросам коммуникативного образования с применением инновационных технологий (Ю. В. Аксенов, Т. Ф. Горбунькова, А. В. Беляева, М. Ю. Бухаркина и др.). По мнению многих ученых, для построения коммуникативного воздействия в определенных ситуациях межличностных отношений формирование коммуникативной компетенции представляется необходимым.

И. А. Зимняя, рассматривая компетенцию в общем плане становления коммуникативного подхода к образованию, говорит о том, что такой подход позволяет оптимистически решать проблему, связанную с повышением качества образования в общем контексте его гуманизации и определения новой парадигмы результата образования [3].